

Телефонъ редакціи № 19.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Телефонъ конторы и типографіи № 15.

ЕЖЕДНЕВНО 6 СТРАНИЦЪ.

Харьковъ. Вторникъ, 13-го (26-го) Іюля 1904 года.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ № 8150.

въ присутствіи вдовы, сестры покойнаго и его друзей.

Передъ началомъ панихиды, на могилу почившаго были возложены роскошные вѣнки: изъ розъ и другихъ цвѣтовъ съ надписью на лентѣ: „Другу дѣтства, земляку и однокашнику отъ крѣпко любящаго Вишневакаго“ и металлическій съ надписью: „Пѣвцу тоски, страданій и печали таганрогскіе артистическіе дѣятели“.

Когда смолкло пѣніе „вѣчной памяти“, г. Гольцевъ, обратясь къ присутствовавшимъ, заявилъ, что ему поручено вдовой и родными усопшаго выразить глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, почтившимъ память почившаго Антона Павловича.

Однимъ изъ присутствовавшихъ провинціальныхъ литераторовъ была произнесена рѣчь, въ которой выражена тяжесть потери въ лицѣ усопшаго для живущихъ въ провинціи.

Директоръ Преображенской больницы, извѣстный психіатръ Н. Н. Баженовъ, произнесъ краткую, но сильную рѣчь, въ которой провель мысль, что отнынѣ имя русскаго земскаго врача Антона Павловича Чехова на-вѣки украсило русскую медицину. Свою рѣчь онъ окончилъ земнымъ поклономъ предъ могилой усопшаго „отъ имени всѣхъ русскихъ врачей“.

О. Л. Чехова, жена покойнаго писателя, обливаясь слезами, измученная горемъ и тяжелою дорогою, по словамъ „Нов. Вр.“, рассказывала, какъ хорошо, какъ внимательно относились къ ея горю и памяти Чехова за границу и нѣмцы, и русскіе. На одной маленькой станціи въ Россіи ея тронулъ студентъ. Плача, онъ прикалывалъ къ вагону нѣсколько розъ, которые потомъ она положила на гробъ. О послѣднихъ дняхъ жизни своего мужа она повторила уже извѣстныя отчасти подробности о томъ, что онъ посвѣжѣлъ сначала, приобдирлся, охотно катался, съ улыбкою смотрѣлъ на природу и жизнь. О. Л. тоже разсчитывала, что онъ поправится, хотя врачъ г. Швереръ, лечившій его, сказалъ ей, что онъ боится за его сердце, которое ослабло вслѣдствіе чахотки. Въ Россіи никто изъ врачей не указывалъ на сердце, и ее удивили эти слова. Что касается легкихъ, врачъ сказалъ ей, что онъ можетъ еще прожить съ ними отъ 4 до 5 мѣсяцевъ, не долѣе. Самъ онъ, конечно, этого не подозрѣвалъ. Японская война угнетала его. Жена постоянно переводила ему извѣстія изъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетъ, и онъ всѣмъ интересовался. Когда въ день смерти, въ половинѣ перваго часа ночи, онъ проснулся и сталъ задыхаться, О. Л. послала за докторомъ. Ночью не легко было достать его тотчасъ. Когда онъ пришелъ, Чеховъ сказалъ ему по-нѣмецки одно слово:

— Смерть?

— О, нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь! Что вы? — поторопился успокоить его врачъ.

Ему тяжело было дышать. На сердце положили ледъ, потомъ онъ глотнулъ шампанскаго, которое пролилось въ горло, производя странный звукъ. Онъ сталъ бредить. „Матрость ухалъ?“ — „Какой матрость?“ — „Матрость, — ухалъ онъ?“ — Ухалъ. Очевидно, это имѣло связь съ войною. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Онъ тихо угасъ, безъ агоніи уснулъ. Докторъ сказалъ, что онъ никогда не видалъ такой тихой и спокойной смерти чахотчнаго.

Мать ея, въ Ялтѣ, получила отъ него въ концѣ іюня радостное письмо. Онъ собирался поѣхать на Комо, „пожить тамъ немножко“. „Дѣла мои по части здравія пошли на поправку по настоящему“. Съ этимъ письмомъ она радостно встрѣтила своего младшаго сына, который зналъ уже о смерти брата. Нѣкоторое время ей не говорили. Горе ея выразилось страшнымъ отчаяніемъ, когда, наконецъ, ей сказали.

Въ Берлинѣ о. протоіерей А. П. Мальцевъ сказалъ у гроба почившаго А. П. Чехова слѣдующее слово:

„Дорогой и незабвенный, какъ писатель и какъ человѣкъ, Антонъ Павловичъ! — началъ свою рѣчь о. Мальцевъ. — Кажется, не прошло еще и мѣсяца, какъ ты вступилъ сюда, чтобы, получивъ здѣсь врачебный совѣтъ, поселиться для отдыха и укрѣпленія твоихъ надорванныхъ силъ въ одномъ изъ богатыхъ лѣчебными дарами природы нѣмецкихъ курортовъ.“

„И мы всѣ неоднократно были поражены добрыми вѣстями о твоёмъ здоровьѣ, уже оттуда доходившими до насъ. И тѣмъ неожиданнѣе для насъ является настоящая встрѣча тебя, уже безмолвнаго и бездыханнаго! Нѣмѣетъ языкъ, слипаются уста при мысли, что тебя такъ быстро и такъ неожиданно не стало среди живыхъ! Не стало среди насъ, прежде всего, человѣка душевнаго, въ полномъ значеніи этого слова, психолога тонкаго, можно сказать, философа-пластика, великаго художника и мастера слова! Въ твоихъ твореніяхъ, какъ у безсмертнаго Гогора, лились сквозь зримый смѣхъ незримыя миру слезы. Въ твоихъ разсказахъ — милыхъ и грустныхъ, порой обличительныхъ, — всегда дышала искренняя любовь къ человѣку, желаніе помочь выбиться ему изъ окружающей его тяжелой среды, пролить въ его поникшую душу любовь бодрящую, свѣтъ и теплоту. Оттого тебя знала и искренно любила вся наша отчизна, особенно наша молодежь, чуткая, впечатлительная и работающая.“

„Давно ли еще расцвѣлъ твой „Вишневый садъ“? Но ему суждено было стать твоей уже лебединой пѣсней, но пѣсней чудною, звучною и славною.“

„Простъ, безпритязателенъ и незлобивъ, какъ дитя, ты былъ олицетвореніемъ того евангельскаго отрока, коего Господь поставилъ въ образецъ чистой, христіанской души: „аще не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное!“

„И ты такъ ихъ любилъ, потому что былъ подобенъ имъ во всѣхъ ихъ свѣтлыхъ и чистыхъ, какъ кристалль, чувствахъ и стремленіяхъ! Ты горячо желалъ имъ просвѣщенія и на твои труды средства самъ строилъ имъ школы, которыя теперь останутся вѣчно краснорѣчивыми и живыми памятниками твоей горячей и дѣятельной любви къ малымъ симъ.“

„Правда, отнынѣ солнце не будетъ, уже свѣтить тебѣ днёмъ, а луна ночью, но зато теперь твоимъ вѣчнымъ солнцемъ, никогда не заходящимъ, сталъ самъ Господь! Тотъ Господь дарованій и талантовъ, которыми въ изобиліи надѣлилъ тебя, которыми и которыхъ ты не закопалъ въ землю...“

„Отнынѣ ты уже будешь слышать блаженный голосъ съ небесъ Отца, говорящаго тебѣ: добрый рабъ, оконченъ трудъ твоего дѣла на землѣ, вниди въ радость Господа твоего!“

„Ты уже довольно понесъ тяготу и варъ дня, довольно страдалъ страданіями любившаго тебя народа, нашей многострадальной родины. Прими же трудовъ вѣнецъ желанный...“

„Наша родная Москва, бывшая, по готовымъ словамъ, твоею королевой, уже готовится принять твоею дорогой прахъ въ своихъ нѣдрахъ.“

„Да, но только прахъ, только тѣлесную твою оболочку, бывшую носительницей твоего безсмертнаго и мощнаго духа!“

„Этотъ же послѣдній не умеръ и не умретъ!“

„Онъ будетъ жить въ твоихъ чудныхъ твореніяхъ, въ твоихъ несмыслимыхъ краскахъ, въ твоихъ несмолкаемыхъ звукахъ, въ твоихъ вѣчно юныхъ, живыхъ и свѣтлыхъ образахъ.“

„Наши же молитвы, наши же благословенія, — взволнованнымъ голосомъ закончилъ о. Мальцевъ, — пребудутъ съ тобой навсегда!“

Эта прекрасная рѣчь, вылившаяся прямо изъ устъ чуткой и любящей души нашего посольскаго священника, глубоко взволновала присутствовавшихъ.

Вдова же, Ольга Леонардовна, рыдая и обливаясь слезами, порывисто бросилась къ о. А. П. Мальцеву и горячо обняла и поцѣловала его въ лобъ.

Къ кончинѣ А. П. Чехова.

10 іюля исполнился девятый день по кончинѣ Антона Павловича Чехова.

Въ 10-мъ часу утра въ теплой Успенской церкви Новодѣвичьяго монастыря собралось до 200 почитателей памяти почившаго; тутъ были: врачи, литераторы, воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, слушатели и другіе учащіеся курсовъ гимназистки и другіе родственники. Заупокойную литургію совершалъ очередной священникъ о. Державинъ. Полный хоръ монахинъ очень стройно исполнилъ произведенія Ламакина, Травина и другихъ композиторовъ.

Послѣ литургіи мать, вдова и братья почившаго направились вмѣстѣ съ присутствовавшей публикой къ могилѣ усопшаго. Она была убрана дерномъ; на крестъ возложенъ металлическій вѣнокъ, а на могилу — нѣсколько вѣнковъ изъ живыхъ цвѣтовъ. До 50 лентъ съ вѣнками, разобранныхъ на части публикой, бывшей на похоронахъ, были размѣщены на рѣшеткѣ сосѣднихъ памятниковъ.

Послѣ панихиды на могилѣ усопшаго членомъ О-ва любителей россійской словесности А. К. Энгельмейеромъ было прочтено стихотвореніе, посвященное памяти почившаго.

Послѣ панихиды присутствовашіе взяли изъ вѣнка, бывшаго на погребѣ, цвѣты и зелень на память о почившемъ и разошлись съ кладбища.

Въ 4 часа дня на могилѣ почившаго А. П. Чехова была совершена панихида